

Цена политических иллюзий*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

Конец ЗГВ

Декларация “четверки” не сыграла заметной роли в свержении ГКЧП, но способствовала укреплению среди “новых людей” на верхушке властной пирамиды в Российской Федерации и в СССР иллюзий в отношении политики Запада, похожих на иллюзии команды Горбачева. Кроме того, она послужила поводом для установления прямого контакта Коля с руководством России.

Уже 21 августа канцлер позвонил Ельцину и похвалил его за проявленные в дни кризиса мужество и стойкость, а также передал ему приглашение посетить ФРГ. В ответ российский президент выразил Колю благодарность за поддержку и принял приглашение, пообещав не откладывать визит в долгий ящик (S. 368–369)**.

5 сентября Коль снова позвонил Ельцину, поинтересовался его оценкой ситуации в СССР и предложил ему приехать в ФРГ во второй половине ноября с официальным визитом (S. 370–371).

Хотя экс-канцлер постоянно оговаривается, что в его цели не входило вызывать “ревность” со стороны Горбачева, совершенно четко просматри-

вается перенесение центра тяжести в сфере отношений ФРГ с СССР на контакты с Ельциным. “Реальная политика” диктует свое, ничего не поделаешь!

21 ноября с воинских почестей начался трехдневный визит Ельцина в ФРГ, первый официальный визит президента РФ в западную страну и вообще его первый визит за границу после ареста ГКЧП. Коль сразу же договорился с ним о регулярных личных контактах, в том числе по телефону.

Канцлера интересовала, прежде всего, ельцинская интерпретация внутреннего развития в СССР. Ему явно пришлось по душе заявления гостя о том, что дело идет к установлению конфедеративных отношений между республиками Союза и что “российских граждан больше устраивало бы полное отделение” республик друг от друга.

Ельцин успокоил Коля также в отношении советского ядерного оружия, которое размещалось на территории России, Украины и Казахстана: в соответствии с пожеланиями Вашингтона РФ предложила сократить наличное ядерное оружие на 50% таким образом,

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 2.

** Все ссылки на страницах даны по: *Helmut Kohl. Erinnerungen. 1990–1994. München, 2007.*

чтобы оно осталось лишь на российской территории.

Гармония царила и в отношении ситуации в Югославии. Коль сообщает: “Мы были едины в том, что войны не должны иметь места в Европе 1991 года. Агрессия не должна оправдывать себя. Поэтому Ельцин поддержал миротворческие усилия ЕС и заявил, что, кроме того, Россия готова принять конструктивное участие в миротворческих усилиях в рамках ООН”.

Канцлер обратился также с просьбой о выдаче ФРГ находившегося в Москве Хонеккера. Ельцин ответил, что, по его мнению, удовлетворение просьбы ФРГ не вызовет затруднений, поскольку Хонеккер въехал в РФ с нарушением соответствующего российского законодательства (как будто российское законодательство в момент прибытия Хонеккера отличалось от общесоюзного!) и посоветовал переговорить на эту тему с Горбачевым (S. 378–382).

Совету Ельцина Коль не последовал, поскольку время Горбачева явно заканчивалось.

Характерны страницы воспоминаний Коля, посвященные моменту дезинтеграции Советского Союза.

Экс-канцлер уделяет величайшей трагедии в истории страны, с народом которой он, по его собственным словам, собирался дружить, всего несколько фраз: “25 декабря, с созданием СНГ, СССР перестал существовать. В этот же день Горбачев объявил о своей отставке. Тем самым в первый день Рождества 1991 года закончилось дившееся три четверти века советское господство”.

Все остальное место занимает похвальное слово в адрес лично Горбачева. Коль пишет: “Чем только мы не были обязаны этому бывшему коммунистическому лидеру! Без него не было бы немецкого единства так, как оно состоялось. Это останется навеки. Горбачев

заслужил благодарность всех немцев и давно уже завоевал их сердца. То, что он сделал для нашей страны, для народов, для наших соседей, навсегда войдет в европейскую историю”.

Однако показательно, что имя Горбачева практически исчезает с этого момента со страниц мемуаров Коля, возвращаясь на них лишь по таким незначительным поводам, как присвоение в 1992 г. почетного гражданства города Берлина ему, Колю и Рональду Рейгану (S. 497).

Подытоживая события 1991 г., Коль подчеркивает: “Конечно, это был непростой год. Однако, оглядываясь назад, мы можем сказать: в целом это был хороший год для нас, немцев, и у нас были все основания быть благодарными за него” (S. 401–403).

Дезинтеграция СССР закрепила за объединенной Германией лидирующее положение на европейском континенте.

Уже 16 декабря 1991 г. министры иностранных дел стран Европейских сообществ утвердили в Брюсселе предложенный ФРГ документ “Принципы признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе”, в котором положение в СССР уравнивалось с катастрофической ситуацией в Югославии.

Все входящие в них республики подлежали признанию в качестве самостоятельных государств в случае, если они выразят пожелание об этом и выполнят условия, названные в документе (прежде всего уважение прав человека, прав национальных и этнических групп, а также соблюдение существующих границ). За признанием должно было последовать установление дипломатических отношений с обменом посольствами до середины января 1992 г.

Через 3 дня после опубликования брюссельского документа правительство ФРГ приняло решение о признании Словении и Хорватии.

Подобная спешка вызвала недовольство партнеров ФРГ в Западной Европе. В частности, Миттеран указывал, что этот шаг противоречит только что согласованной в Маастрихте цели выработки единой внешней политики ЕС. Коль объясняет западноевропейскую критику “завистью и недоброжелательством, вызванными нашими экономическими успехами”.

Канцлер единой Германии потребовал расширения практики использования немецкого языка в органах ЕС на равных основаниях с английским и французским (S. 405–407).

Дезинтеграция Советского Союза осложнила ситуацию в мире, поскольку сохранялась угроза дальнейшей дестабилизации на постсоветском пространстве. Решающее значение приобрела устойчивость появившейся на международной арене новой России. В этих условиях установленный Колем личный контакт с Ельциным получил особый вес в глазах Запада.

Во время переговоров с канцлером в марте 1992 г. президент США Буш рекомендовал ему пригласить Ельцина на предстоящий саммит “семерки” в Мюнхене. Коль согласился, подчеркнув в связи с планами оказания финансовой помощи России: “Следует делать различие между тем, что должны сделать русские, и тем, что можем сделать мы. Решающий момент состоит в том, чтобы ответственные лица бывшего Советского Союза поняли, что они должны помогать себе сами” (S. 426–427).

Исчезновение СССР не улучшило, а ухудшило шансы России на получение

существенной помощи Запада, который отныне имел возможность ссылаться на отсутствие ясности в том, что касается перспектив развития обстановки на Востоке. Курс на то, чтобы скромные финансовые вливания в экономику России использовались как рычаг для получения больших политических выгод, стал определяющим для западных столиц.

На мюнхенском саммите “семерки” 6–8 июля Ельцин побывал только после его официального закрытия. Ему был обещан “пакет помощи” в размере 24 млрд. долл. в обмен на обязательство выплатить уже имеющиеся у России долги. И хотя Коль утверждает, что Ельцин до конца своих дней оставался ему благодарен за решения “семерки” (S. 466–467), большой пользы эта “помощь” России не принесла.

Вернувшись из США, Коль сразу же позвонил Ельцину, который сообщил, что эксперты МВФ остались очень довольны переданными им перечнями экономических реформ, которые уже реализуются и будут в ближайшие месяцы полностью претворены в жизнь в России (речь шла о гайдаровских экспериментах, ввергших страну в жесточайший экономический и социальный кризис).

На вопрос Коля о положении с немцами Поволжья Ельцин обещал ускорить восстановление автономии для них. В отношении Хонеккера он отметил, что тот находится в чилийском посольстве в Москве и таким образом недоступен для российских властей*.

* После дезинтеграции СССР в декабре 1991 г. Хонеккер попросил и получил политическое убежище в посольстве Чили в Москве. Решение чилийского посла Клодомиро Альмейды обуславливалось тем, что он сам, как и сотни других демократов из Чили, жил в ГДР в качестве политического эмигранта в годы диктатуры Пиночета. Единственная дочь Хонеккера вышла замуж за чилийца и уехала в Чили. Однако Альмейда был вскоре отозван и заменен другим дипломатом. Эрих и Маргот Хонеккеры вновь оказались в подвешенном состоянии. В целом они провели в посольстве Чили в Москве 232 дня.

Ельцин посоветовал немцам активизировать работу с правительством Чили по вопросу о выдаче Хонеккера.

В соответствии с предложением германской стороны Коля и Ельцин договаривались регулярно, раз в три недели, звонить друг другу, чтобы быть в курсе событий (S. 432–434).

В дальнейшем Ельцин сдержал данное Колю слово по обеспечению скорейшей выдачи бывшего руководителя ГДР. После того как канцлер добился от президента Чили указания своему послу в Москве передать Хонеккера российским властям (чилийское руководство не хотело высылать его в ФРГ напрямую, чтобы Чили нельзя было упрекнуть в “неблагодарности”), эксп-председатель Государственного совета ГДР был немедленно выслан из России в Германию.

29 июля 1992 г. самолет “Аэрофлота” доставил Хонеккера в Берлин, где он был арестован и препровожден в тюрьму Моабит, которая была ему хорошо знакома с нацистских времен, поскольку он отбывал в ней часть своего многолетнего заключения за антифашистскую деятельность.

Однако судебный процесс против него так и не состоялся из-за крайне тяжелого состояния здоровья обвиняемого.

В январе 1993 г. германские судебные власти были вынуждены освободить Хонеккера из-под стражи, и он вылетел к жене и дочери, проживавшим в Чили, где скончался 29 мая 1994 г. (S. 456–459).

В мемуарах Коля нет ни слова о страданиях по поводу трагической судьбы человека, которого он совсем недавно принимал у себя в качестве государственного гостя, которому набивался в друзья, с которым вел переговоры и подписывал соглашения о сотрудни-

честве. Не нашлось места даже для простого человеческого сочувствия.

Растущая нестабильность обстановки в России обусловила то обстоятельство, что для правительства ФРГ на первом месте в российско-германских отношениях закрепился вопрос об ускорении вывода ЗГВ с германской территории.

Визит Коля в Россию в середине декабря 1992 г. был почти целиком посвящен реализации пожеланий ФРГ в этом плане. На переговорах министров иностранных дел и финансов обеих стран развернулся жесткий торг, поскольку российская сторона выдвинула встречные требования об увеличении германских выплат (она запросила дополнительно 850 млн. марок со ссылкой на действительно возрастающие транспортные и строительные расходы, а также на инфляцию). Был поднят вопрос о возмещении стоимости принадлежавшей ЗГВ недвижимости, которая, естественно, оставалась в Германии*.

Ельцин заговорил о компенсации жертвам германской оккупации на территории Советского Союза (Коля предпочитает говорить о “жертвах национал-социалистского режима”). Канцлер ответил напоминанием о нуждах “российских немцев”.

Немецкая сторона выразила также озабоченность фактическим прекращением очень тесной ранее кооперации между промышленными предприятиями бывшей ГДР и России, что негативно сказывается на обстановке в “новых землях”, и без того переживающих глубокий экономический кризис после присоединения к ФРГ.

Результаты переговоров в целом устраивали Коля (“большой успех”, комментирует он).

* По некоторым данным, ЗГВ принадлежало более 39000 строений на территории бывшей ГДР.

Завершение вывода ЗГВ было передвинуто на 31 августа 1994 г. — ускорение на четыре месяца по сравнению с первоначально установленной датой. (Для Коля было также важно, что эта договоренность достигнута именно с Российской Федерацией, а не с уже несуществующим СССР).

Дополнительные германские выплаты определены в 550 млн. марок. Недвижимость ЗГВ передавалась правительству ФРГ бесплатно.

Немцы согласились на отсрочку до 2000 г. платежей по российской задолженности, составлявшей 17,6 млрд. марок.

Обсуждение вопроса о компенсации жертвам германской оккупации было отложено на будущее.

С российской стороны было подтверждено намерение восстановить автономию немцев Поволжья, для чего сначала там будут созданы “немецкие районы”.

Ельцин согласился с предложением Коля совместно обратиться к бизнесу обеих стран с тех позиций, что “Германия и Россия соседи, они должны быть друзьями и помогать друг другу справляться с возникающими трудностями”.

Было подписано культурное соглашение с его не очень удачной для России формулировкой о возвращении культурных ценностей*.

Коль подытоживает: “Россия и Германия решили практически все военные и финансовые проблемы, проистекающие из развала Советского Союза.

Борис Ельцин и я подписали соответствующее принципиальное заявление” (S. 511–515).

Однако обострение разногласий между Ельциным и Верховным Советом и связанный с ним рост внутривнутриполитической напряженности вызывали опасение, что выполнение договоренностей о выводе ЗГВ может быть вновь поставлено под вопрос.

Это заставило Коля еще раз посетить Москву в марте 1993 г.

В изложении Коля российский президент заявил в беседе с ним, что “за исключением самого Ельцина в России нет ведущих демократических фигур, а есть лишь деятели, однозначно выступающие против демократии, против реформ и против рыночной экономики. [...] В результате может возникнуть ситуация, в которой он как президент будет вынужден принять крайние меры”.

Ельцин подчеркивал, что “его противники спекулируют на том, что «семерка» дает различные обещания, но ничего не делает — за исключением немцев, но и их помощь в последнее время резко сократилась. Если западным странам придется защищаться от реакционной России, то это обойдется им во много миллиардов”.

Коль заверил Ельцина в западной поддержке и пообещал, что он будет приглашен в июле на встречу “семерки” в Токио.

* Эта формулировка (стороны “согласны в том, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам”) была заимствована из текста “Большого договора” от 9 ноября 1990 г. Она давала немцам возможность интерпретировать договорное обязательство в том духе, что ограбление нацистскими зондеркомандами оккупированной территории СССР и действия Советской военной администрации в Германии после войны признаются односторонними актами и подлежат немедленному “исправлению”.

Поскольку же культурной собственности СССР на германской территории нет и куда она передавалась, власти ФРГ не знают и выяснять не намерены, то «исправляться» должен СССР или, соответственно, Россия.

Канцлер вернулся из Москвы с убеждением, которое он постарался передать членам своего правительства: “Если реформы в России потерпят неудачу и вернется «старый» режим, это будет иметь фатальные последствия также и для Германии”.

Однако кабинет остался невосприимчивым к алармистским призывам канцлера, и ему пришлось утешаться тем, что “в период с 1989 по 1993 год мы (ФРГ) выделили более 80 миллиардов марок на процесс реформ в России и других государствах бывшего Советского Союза”.

Единственное, что было сделано после визита Коля, – правительство ФРГ выступило с инициативой скорейшего заключения между Европейским союзом и Россией соглашения о партнерстве и сотрудничестве (S. 537–540).

Во время визита в США в конце марта Коль попытался убедить президента Билла Клинтона в необходимости коллективной западной поддержки главы российской исполнительной власти: “Только в том случае, если Запад поможет Ельцину, у того будет шанс, да и то не на 100%. Если Ельцин будет свергнут, ситуация станет гораздо более сложной и обойдется впоследствии дороже, тем более что тогда состоится возврат к старым структурам”.

Надо что-то предпринимать, продолжал Коль, но возможности Германии действовать в одиночку исчерпаны – “как известно, мы взяли на себя 53% общей помощи странам СНГ”.

Жесты в поддержку Ельцина обязательно должны стоить много денег: например, 30 университетов США, Великобритании, Франции и Германии могли бы взять шефство над таким же числом университетов в России.

Клинтон подхватил эту мысль и сослался на запрос российского министра иностранных дел А.В.Козырева, с ко-

торым разговаривал неделю назад и который просил, в первую очередь, увеличить число западных советников в России на постоянной основе.

В конечном счете Клинтон пообещал подумать над тем, как использовать саммит “семерки” для поддержки Ельцина (S. 559–561).

В июле 1993 г. в Токио было принято решение об отсрочке платежей по долгам России и о выплате МВФ первой доли предоставленного Москве кредита.

На обратном пути Коль сделал остановку в Иркутске и провел день вместе с Ельциным на берегу Байкала.

Наряду с совместным походом в баню и переходом в общении между собой на “ты” оба государственных деятеля вновь обсуждали вопрос об ускорении вывода тех 150 тыс. солдат ЗГВ, которые еще оставались в Восточной Германии.

Ельцин продолжал настаивать на увеличении германских выплат на эти цели, но Коль отклонил это, как он выразился, “чрезмерное требование” своего русского друга (S. 601–605).

Следующая встреча “друзей” произошла 22 ноября, когда Коль возвращался из поездки в Китай.

Расстрел российского парламента 3 октября не удостоился внимания автора мемуаров, который лишь мимоходом говорит о “попытке переворота национал-коммунистов”.

Коль утверждает, что призвал граждан России “поддержать путь к демократии и рыночной экономике в их стране”, и добавляет: “Будучи убежденным в том, что Ельцин и его команда намерены построить жизнеспособную и мощную демократию, я воздержался от критики проекта российской конституции, которая предусматривала сильную президентскую власть. Я мог только предостеречь каждого на

Западе, кто захотел бы переносить свои масштабы на Москву” (S. 626–627).

К концу 1993 г. стало ясно, что вывод Западной группы войск будет завершен в срок.

Эта проблема переставала висеть камнем на шее Германии, ощущавшей ее как препятствие для своего стремления как можно скорее продемонстрировать миру новые германские потенции.

На саммите НАТО в Брюсселе в начале января 1994 г. при активном участии ФРГ были приняты решения, означавшие укрепление связей между альянсом и Европейским союзом, а также подавшие сигнал бывшим членам Варшавского договора о предстоящем приеме их в Североатлантический блок.

Президент США Клинтон заявил о том, что 100 тыс. американских солдат будут и дальше находиться в Европе. НАТО подтвердила решимость применения ее ВВС для вмешательства в гражданскую войну в Югославии на стороне противников сербов.

Комментируя эти шаги, Коль подчеркивает: “В последнее время мы стали свидетелями того, как вновь вспыхнули и привели к кровавым конфликтам старые очаги напряженности в Европе и на ее периферии.

Бывшая Югославия только один – хотя и самый страшный – пример того, что война не изгнана из Европы” (S. 642–647).

Получалось, что не новые хозяева положения несут вину за возвращение войн на территорию Европы, а “старые очаги напряженности”.

Так начиналась односторонняя перекройка соотношения сил на континенте, готовившая новые линии раздела и новую геостратегическую ситуацию в мире.

О том, что все эти телодвижения имеют своей целью изоляцию России, свидетельствует беседа Коля и Клинтона 18 января на украинскую тему, содержание которой передается в мемуарах следующим образом:

“Коль: Важно сохранить суверенитет [этой] страны и поддерживать Украину. Нельзя концентрироваться только на Москве, у Украины также есть достоинство, честь, которые нужно уважать.

Клинтон согласился.

Если указанная мной тенденция потерпит поражение и Украина чего доброго вернется к России, то развалится вся теория, на которой базируются решения саммита НАТО.

Украина является ключом к развитию обстановки в Центральной и Восточной Европе.

В ходе своей встречи в Праге с лидерами центральноевропейских стран он открыто говорил на эту тему...” (S. 653).

В условиях, когда Коль не собирался более поддерживать “друга Бориса” иначе, как вербально, следовало как можно более интенсивно улаживать его лично.

Этой цели служил официальный визит Ельцина в ФРГ (11–13 мая 1994 г.).

Помимо туристических удовольствий вновь обсуждался вопрос о завершении вывода войск ЗГВ, но уже в протокольном плане – как будет обставлена церемония прощания с последними покидающими ФРГ солдатами. Договорились, что в случае возникновения трудностей решать их будут на высшем уровне.

О прочих моментах содержательной части визита Коль сообщает лишь, что были достигнуты договоренности о “возвращении культурных ценностей, вывезенных обеими сторонами во время войны” и “создании совместной комиссии, которая должна изучать новейшую историю германо-российских отношений”.

По последнему вопросу экс-канцлер разъясняет: "Если мы со всей откровенностью займемся историческими фактами, то мы скорее сможем залечить раны, нанесенные нами друг другу".

В остальном Коль по-прежнему говорил о том, что Россия должна "играть свою ответственную роль в рамках общеевропейского государственного порядка", условием чего ФРГ ("мы и наши западные партнеры") считает ее "конструктивное участие в урегулировании европейских и международных кризисов" (S. 669–671).

По-видимому Запад был доволен поведением ельцинской России, поскольку на саммите "семерки" (8–9 июля в Неаполе) российский президент участвовал уже и в политической части переговоров.

По этому поводу Коль с удовлетворением отмечает: "Теперь из «семерки» получилась фактически «восьмерка»" (S. 698).

31 августа 1994 г. наступил, наконец, долгожданный для Коля день, когда германскую столицу покидала Берлинская бригада, последнее из остававшихся в ФРГ подразделений Западной группы войск*.

Коль замечает, что был "более чем счастлив" в связи с этим событием. Отметить его прибыл в Берлин и Ельцин.

Праздничное настроение руководителей обеих стран чуть было не испортил тот факт, что обещанная немцами многомиллиардная программа строительства жилья для возвращавшихся из Германии солдат оказалась невыполненной.

Коль сообщает: "Все было хорошо запланировано и пущено в ход, и все же ненадежность турецких субподрядчиков, которые должны были постро-

ить новые жилища, привела к возникновению неожиданных проблем. План не выполнялся, и русские стали выдвигать новые денежные претензии.

В беседе с глазу на глаз с Ельциным [...] я мог лишь с сожалением сообщить ему, что не в состоянии выделить больше ни пфеннига на дополнительные требования. Мы однозначно стали нарушителем договора, так как наш немецкий генеральный подрядчик жилого строительства в России не мог ссылаться на несостоятельность субподрядчика.

С пустыми руками и с четким сознанием нашего провала я мог лишь просить моего друга Бориса о снисхождении. И что же сделал этот властный человек после возбужденной дискуссии между экспертами с обеих сторон?

К всеобщему изумлению, в первую очередь своих собственных людей, Ельцин сказал: «Россия не выдвинет требований к Федеративной Республике. Я не причину затруднений федеральному канцлеру».

Тем самым для германской стороны с этой проблемой было покончено. А ведь у России были все основания затянуть вывод войск на годы".

Экс-канцлер добавляет: "Как [русские] справились с ситуацией несмотря на отсутствие жилья, я не могу себе представить. Пострадавшими были бесспорно солдаты..." (S. 717–718).

Повествование о проходах Берлинской бригады Коль сопровождает своеобразным экскурсом в область философии истории, который дополнительно проливает яркий свет на его (и многих немцев), мягко говоря, своеобразные представления о русских и их месте в европейской цивилизации.

*Последние 30 офицеров ЗГВ вылетели с аэродрома Шенефельд 9 сентября 1994 г.

Он пишет: “Обращая ныне свой взгляд в будущее, мы должны постоянно помнить о всей истории, о ее светлых страницах, но также и о ее темных главах.

Мы не забываем о германском нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года.

Немцами и от имени немцев русскому народу причинены страшные страдания. Ужасная война стоила стране много миллионов жертв.

Мы не хотим и не имеем права забывать об этом – равно как мы не имеем права забывать о том, что было затем причинено немцам в ходе реванша.

Все это нельзя ни вытеснить из сознания, ни производить взаимный зачет, мы должны извлечь из этого уроки” (S. 720).

Ни слова о войне на уничтожение мирного населения, которую вела нацистская Германия на Востоке, о беспримерном подвиге советского народа, взвалившего на свои плечи главную тяжесть борьбы с агрессором и внесшего главный вклад в Победу, об освободительной миссии Советской армии, о дружбе советских солдат и населения ГДР!

Разгром нацистской Германии объявляется “реваншем”...

Мемуары – весьма специфический литературный жанр, мемуары политических деятелей тем более.

Чтобы книга воспоминаний читалась с интересом, нужен недюжинный талант рассказчика, умеющего раскрыть горизонты происходившего, выделить главное и масштабное из того, что он видел и делал, увлекательно преподнести даже то, что читателю уже известно.

Мемуары Гельмута Коля однозначно не относятся к такой категории.

Их отличает серость языка, бесконечные повторы, надоедливое изречение азбучных истин, очень узкий угол зрения на события, отнюдь не впечатляющий интеллектуальный уровень.

Диву даешься, как с подобными данными Коля смог поразительно долго (1982–1998 гг.) продержаться у власти в важнейшей западноевропейской стране, да еще обводить вокруг пальца лидеров мировых держав! Видимо, качества этих лидеров были не намного выше его собственных.

С этим экскурсом стоит сопоставить комментарий экс-канцлера к уходу из Берлина гарнизонов трех западных держав, состоявшемуся 8 сентября 1994 г. (западные державы не захотели общей с ЗГВ церемонии прощания со столицей Германии).

Вот что пишет Коля по данному поводу: “Продолжавшееся десятилетиями присутствие трех держав в Берлине доказывало миру, что мы никогда не примиримся с расколом Германии и Европы.

Никто не забудет, по какой причине [западные] союзники пришли в Германию и в Берлин.

Они пришли в конце войны, развязанной преступной германской диктатурой, они пришли как победители над насилием и бесправием.

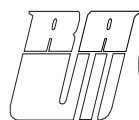
Что стало бы с Германией и Европой, если бы они не противопоставили бы тирану военную силу?” (S. 723).

Именно такой однобокой интерпретацией новейшей истории объясняется типичность для Германии курьезного случая в одной из западноберлинских школ, когда ученик на вопрос, на какие 4 сектора был поделен Берлин в 1945 г., ответил: на американский, английский, французский и турецкий.

В то же время для российских историков мемуары Коля, несмотря на все их слабые стороны, являются *кладезем оценок “с другой стороны”* по важнейшим аспектам противоречивого и болезненного процесса выталкивания (и ухода) нашей страны с позиций мировой державы. Они лишний раз доказывают, что успеха добивается лишь тот политик, который ни на секунду не забывает об интересах ведомой им нации и использует все средства для достижения четко сформулированной цели.

Градация приоритетов для Коля никогда не менялась: на первом месте стояло преуспеяние ФРГ, на втором – благо Запада (прежде всего США) в том виде, как Коль его понимал.

Забота об интересах России никогда не входила в круг его задач, скорее наоборот: об “оси Берлин-Москва” он и не помышлял, но охотно поддерживал иллюзии на сей счет.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.